

ВСЕ ПЛОХОЕ ИЗ ВИКТОРИАНСКОГО ДУХА, А ВСЕ ХОРОШЕЕ – ИЗ ДУХА ВРЕМЕНИ*

Антоновский Александр Юрьевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник.
Институт философии РАН.
Российская Федерация,
109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.
Российская Федерация,
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1;
e-mail: antonovski@hotmail.com

В своей работе автор критически осмысливает идею связи достижений Уильяма Хьюэлла в области философии науки с господствующими настроениями в так называемую Викторианскую эру. Автор полагает, что все позитивные достижения Хьюэлла, напротив, следует связывать с развитием мировой науки, с духом времени и прежде всего с неокантианским бэкграундом Хьюэлла. Тогда как его ошибки и заблуждения (отклонение эволюционизма, поддержка идеи флогистона) действительно вытекали из специфически английского консерватизма и слепого доверия к фактически наличествующим социальным институтам и идеям как в науке, так и в политике.

Ключевые слова: Хьюэлл, наука, социальная эпистемология, дух времени, Викторианская эпоха

ALL THE WORST IS FROM THE VICTORIAN SPIRIT, ALL THE BEST IS FROM THE ZEITGEIST

Alexander Yu. Antonovskii – DSc in Philosophy, leading research fellow.
Institute of Philosophy,
Russian Academy of Sciences.
12/1 Goncharnaya St.,
Moscow, 109240, Russian Federation.
Associate professor.
Lomonosov Moscow State University.
1 Leninskie Gory, 119991,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: antonovski@hotmail.com

In his work, the author critically interprets the idea of the connection of the achievements of William Whewell in the field of the philosophy of science with the prevailing sentiments and social-cultural attitudes in the so-called Victorian era. The author believes that, on the contrary, all of Whewell's positive achievements should be associated with the development of world science, with the spirit of the times, and above all, with its neo-Kantian background, whereas his mistakes and delusions (rejection of evolutionism, support for the idea of phlogiston) really resulted from specifically English conservatism and blind trust in the actual social institutions and ideas both in science and in politics.

Keywords: Whewell, science, social epistemology, spirit of the time, Victorian era

А существовала ли вообще эта – такая благостная в изображении И.Т. Касавина – Викторианская эра? – начнем мы, может быть, с несколько неожиданного вопроса. И сам этот вопрос в каком-то смысле уже дает ответ и характеризует эту замечательную эпоху. Не случайно же не назвали ее в честь ученых, писателей (каковых она породила в избытке) или в честь каких-то исторических событий или

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 17-03-00812-ОГН «Рождение философии науки. Уильям Хьюэлл, круг общения и следствия для 20 века» и проект № 18-011-00980 ««Социальная эволюция» и «прогресс» как категории номотетического познания».

процессов? Нет, она была названа в честь монарха как олицетворения определенного политического института и символизировала собой некритическое доверие (а то и слепую веру) к патерналистским, прежде всего социально-политическим институтам, недоверие к свободному индивиду (если это, конечно, не касалось предпринимательской активности). Вспомним печально знаменитые рабочие дома, в которые по «Закону о бедных» 1834 года помещались все те, кто только обращался за пособиями, этим законом и отменных. В этом смысле обслуживающая эти институты утилитаристская философия «бентанизма» мало чем отличалась от политической идеологии и, с одной стороны, отражала, а с другой, легитимировала такого рода учреждения.

И все надежды общества были связаны с успешным функционированием политических институтов (монархии, парламента), хотя они этих надежд – по крайней мере, в некоторой внешней наблюдательной перспективе – очевидно, не оправдывали.

Не стоит пренебрегать знаменитым (и сбалансированным) описанием этой эпохи, осуществленным одним ее суровых критиков в 1845 году:

Я не знаю ничего более внушительного... эти массы домов, верфи с обеих сторон... бесчисленное множество судов вдоль обоих берегов... по которому постоянно снуют сотни пароходов, – все это столь величественно, столь грандиозно, что не можешь опомниться и приходишь в изумление от величия Англии.

Но вот и другая сторона этого величия:

Везде варварское равнодушие, беспощадный эгоизм, с одной стороны, и неописуемая нищета – с другой, везде социальная война, дом каждого в осадном положении, везде взаимный грабеж под охраной закона, и все это делается с такой бесстыдной откровенностью, что приходишь в ужас от последствий нашего общества. Все невыгоды такого положения падают на бедняка. О нем не заботится никто; брошенный в этот засасывающий водоворот, он должен пробиваться, как умеет. Если ему посчастливилось найти работу... его ждет заработная плата, которой едва хватит, чтобы удержать душу в теле; если же он не нашел работы, он может воровать или умереть с голоду, во время моего пребывания в Англии умерло от голода в прямом смысле слова при самых возмутительных условиях по меньшей мере 20–30 человек (только официально) [Энгельс, 1955, с. 263].

Конечно, и политические институты Викторианской эры можно, как это делает И.Т. Касавин, рассматривать как расцвет реформизма, постепенной демократизации и поле для самореализации. Но, с другой стороны, нельзя не признавать, что вход в эту сферу был строго регламентирован и ограничен (только 30 процентов мужского насе-

ления имели право голоса), и приписывать ей помимо технического и политического еще и некоторый выраженный позитивный культурный динамизм было бы некоторой гипертрофией. Вспомним, что общество той эпохи (и сюда, безусловно, входят литераторы как выразители общего культурного настроения) характеризовало некоторое, мягко говоря, недоверие к актуальным достижениям научно-технического прогресса. Диккенс красноречиво описывает железнодорожную станцию («узилище») в своей новелле «Сигнальщик». В ней разочарованный студент-«натурфилософ», «опустившийся» до уровня железнодорожного стрелочника, погибает, убитый им самим придуманным «духом» (можно, было бы по праву сказать, Викторианской эпохи), управляющим тем самым «локомотивом», число которых так умножилось в этот период:

...с одной стороны это громадное узилище уходило, изгибаясь, вдаль; с другой, менее протяженной, горел угрюмым красным светом семафор, и зияла еще более угрюмая горловина непроницаемого темного туннеля, массивная и грубая кладка которого наводила тоску. Так мало проникало сюда солнечного света, что тяжелый могильный запах не разгоняли даже порывы ледяного ветра, пронизавшего меня до мозга костей таким холодом, будто я покинул земные пределы [Диккенс, 2017, с. 107].

Конечно, любая эпоха определяется тем или иным наблюдателем из его собственной наблюдательной перспективы. И для него значимы лишь собственные достижения, которые он и определяет как эпохально-значимые вехи, и кроме собственных достижений наблюдатель (в данном случае сами политические институты) ничего не видит. Но должны ли ученые (по крайней мере, добровольно) соглашаться с предложенной извне политической периодизацией, основанной на весьма сомнительных для самой науки достижениях, и делать ее общей рамкой в том числе и для собственной научной истории? И насколько сама наука этого времени действительно была обусловлена этими внешними социально-экономическими и политическими факторами, как это описывает И.Т. Касавин?

Конечно, открытия Фарадея и Максвелла, Лавуазье, Адамса или Гершелей нельзя сбрасывать со счета. Но имели ли эти открытия своим источником тот самый дух Викторианской эпохи (эпохи промышленного переворота и прежде всего, конечно, транспортной революции со всеми ее пароходами и паровозами, изобретенными и разработанными, кстати говоря, в предыдущую эпоху), неотделимой от английского колониализма? Думается, что это не совсем так. Большинство достижений этих мыслителей можно назвать «бумажными открытиями» созданными в «индивидуальной лаборатории ученого» [Kasavin, 2014], или «на кончике пера», касается ли это открытия Неп-

туна или уравнений Максвелла, которые, очевидно, не требовали в качестве своей предпосылки всего этого безудержного экономического развития за счет беспредельно эксплуатации остальной части мира и общества и не являлись следствиями каких-то административно аранжированных мегапроектов [Kasavin, 2015].

Вряд ли можно утверждать, что каким-то образом назрела определенная техническая или экономическая потребность в описании электромагнитных явлений и их соответствующем последующем применении. И вряд ли Фарадей (и другие ученые) своей деятельностью отвечал на этот гипотетический запрос. Да, и эти открытия были технически имплементированы благодаря совсем другим ученым, в частности благодаря Якоби, Герцу, которых лишь с очень большой натяжкой можно было бы отнести к выразителям того самого викторианского духа. Думается, что довольно трудно объяснить развитие науки именно в этот период такой внешней логикой, ведь всем прорывам в области электромагнитных эффектов мы почти в равной мере обязаны и датчанину Эрстеду, и французам Амперу, Араго, Пикси, и венгру Йедлику, и американцу Генри. И конечно, нельзя не вспомнить, что первое техническое воплощение этих идей в виде *реального* электродвигателя осуществилось как раз в России благодаря русскому академику Б.С. Якоби. Следует ли в этой связи считать Якоби скрытым англоманом, наподобие Павла Петровича Кирсанова?

Безусловно, в эту эпоху помимо области электродинамики имели место и другие научные прорывы. Другим направлением научного развития становится медицина, и прежде всего – антисептики и анестетики. И как раз в этом направлении викторианский дух, видимо, сыграл решающую роль. Ведь именно антисептики и воплотили ту самую искомую реальную социальную потребность, которая явилась следствием ужасающего положения и концентрации бедноты в городских трущобах как результата промышленной революции. И именно антисептики требовались для лечения раненых, столь умножившихся в результате колониальных войн. Но стоит петь хвалу этому духу за эту выдающуюся потребность и достижения?

Вернемся к исходному тезису И.Т. Касавина и зададимся вопросом о том, действительно ли достижения Хьюэлла могут объясняться из духа Викторианской эпохи? И как велики эти достижения? Представляется, что этот викторианский дух – как социокультурный фактор или переменная – все-таки надо полагать избыточным в объяснении развития науки в Англии в означенную эпоху. Ведь в противном случае придется подыскивать объяснительные социокультурные аналогии к развитию науки в других странах, объясняя не менее стремительное развитие региональной науки.

Парадокс в том, что действительные заслуги У. Хьюэлла в области философии науки связаны совсем с иными духами. В частности, не вызывает сомнения его (нео)кантианский бэкграунд [Butts, 1973; Buchdahl, 1971]¹.

Хотя Хьюэлл и не соглашался с тем, что необходимая истина выражается синтетическим суждением, все-таки его «фундаментальные идеи» выступают пусть не всеобщими условиям восприятия и или рассудка, но, по крайней мере, фундаментальными условиями конкретного научного знания. Так, без «фундаментальной идеи» «химического средства» не получить знания о химических процессах.

И если уж всерьез говорить о действительном влиянии викторианского духа на Хьюэлла, то именно он обусловил его неприятие и высмеивание современного ему эволюционизма (в дарвиновской версии²), как и отказ в праве на собственный дисциплинарный статус социальной теории (социологии в его контовской версии), отказ, сопровождающийся переходом на личности. Этот переход на личности мы можем характеризовать как явное указание на общее неприятие – формирующейся в эту эпоху и столь характерной для современной науки и революционной Франции – критической установки, противной всякому политическому патернализму и консерватизму Викторианской эпохи. Притом что многие идеи Конта, как мы уже показали ранее, Хьюэлл вполне разделял [Бараш, 2017, с. 202–208].

Конечно, мы бы согласились с мнением И.Т. Касавина, что XIX век – век профессионализации. Но все-таки всеобщая профессионализация не может выводиться из конкретной социокультурной ситуации конкретной страны, а в большей степени связана с общей функциональной дифференциацией нарождающегося мирового общества.

И эти профессии – врача, политика, ученого, бизнесмена и рабочего – появляются одновременно в самых разных регионах единого мирового общества: и разве в Германии благодаря Фридриху Шлейермахеру и Вильгельму фон Гумбольдту не рождается в то же самое время великая немецкая наука, а новый Университет не приходит на смену университету как особого рода средневековой цеховой корпорации? И исходя из какого духа объяснить эти реформы [Шлейермахер, 2018, с. 215–235]?

¹ “Whewell affirmed Kant’s thesis that ideas are prescribed to, and are not derived from, sensations. Whewell included among ideas both general notions such as space, time, and cause, and ideas basic to particular sciences. Examples of the latter are ‘elective affinity’ in chemistry, ‘vital forces’ in biology, and ‘natural types’ in taxonomy. Whewell conceded that there can be no such thing as a ‘pure fact’ divorced from all ideas” [Losee, 2001, p. 109].

² «Наиболее выдающиеся физиологи, – пишет Хьюэлл в своем эссе, – во все времена провозглашали, что на каждом шагу они открывают свидетельства «предназначенности», «глаз был создан для зрения, что указывает на то, что оптическая регулировка глаза опровергает учение о том, будто он возник сам собой» [Хьюэлл, 2017, с. 215].

Можно было бы поспорить и о специфической роли Хьюэлла в вышеозначенной профессионализации как некоего «номотета», придумывающего термины научным явлениям и инструментам, процесс, который Касавин называет громким словом «концептуализация». «Фарадей не единственный, – пишет Илья Теодорович, – кому Хьюэлл помог концептуализировать его научные достижения». Но все-таки есть некоторые сомнения в том, что изобретение терминологии – пусть остроумное и содержательное – может рассматриваться как существенный вклад философии науки в концептуализацию научных понятий и экспериментов.

Кроме того, в контексте собственно профессии Хьюэлла (ученый, декан, богослов) несколько двусмысленно выглядит дилемма, поставленная автором в конце статьи: «...какую стратегию выбрать: искать истину или молиться»? По крайней мере, для Хьюэлла это обстоятельство, видимо, представляло вовсе не дилемму, а, скорее, предполагало две взаимоподтверждающие активности, что соответствовало установкам так называемой «староевропейской семантики» (= единства истины, подлинного бытия, морали, предложений веры и т. д.). И, кстати говоря, обе стратегии наука сегодня отвергает, ведь ученые, как правило, все-таки не молятся и не ищут истины (или, по крайней мере, не делают это одновременно). Обратимся здесь за авторитетным подтверждением к Веберу [Антоновский, 2017], Попперу, Мертону [Антоновский, 2018], недвусмысленно отказывающим ученым в их утраченных и иллюзорных истинностных притязаниях – утраченных именно вследствие научной профессионализации. Нечто другое, прямо противоположное, приходит на смену утраченным надеждам на поиски «подлинного бытия». Теперь всеразрушительная критика становится ключевым условием профессиональной (= системно-коммуникативно обособленной) науки и эволюции научной коммуникации [Луман, 2017].

И критика-то как раз и не была сильной стороной викторианского духа целом и воплощения этого духа в Хьюэлле в частности. Для примера вспомним его концептуализацию понятия *флогистон*. Казалось бы, вот предмет для настоящей философско-научной критики и классический пример радикального пересмотра научной теории. Но нет, у флогистона в его понимании Хьюэллом обнаруживается неожиданное алиби. Пусть за этим понятием и нет никакой реальности, зато оно «работает», а значит, сохраняет «свою функцию априорного связывания данных опыта, выражает идеи связи горения, окисления и дыхания», и в этом смысле оно сохраняет иммунитет перед критикой и само должно быть сохранено как некая вечная априорная истина. И это как нельзя лучше выражает тот самый консервативный викторианский дух сохранения функционирующего института (как в науке, так и в политике) – даже и вопреки общему признанию его ложности в науке и его неэффективности и архаичности в политическом смысле.

Список литературы

- Антоновский, 2017 – Антоновский А.Ю., Бараш Р.Э. «Истина» и «власть» как категории социальной философии // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 5. С. 120–134.
- Антоновский, 2018 – Антоновский А.Ю., Бараш Р.Э. Наука Макса Вебера. Рецепция и современность // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки*. 2018. Т. 55. № 4. С. 174–188.
- Бараш, 2017 – Бараш Р.Э. Хьюэлл против Конта, или возможна ли коммуникация между априоризмом и позитивизмом // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки*. 2017. Т. 54. № 4. С. 202–208.
- Диккенс, 2017 – Диккенс Ч. Сигнальщик // Диккенс Ч. Гости с того света. М.: Эксмо, 2017. 352 с.
- Касавин, 2015 – Касавин И.Т. Мегaproекты и глобальные проекты: наука между технократизмом и утопизмом // *Вопр. философии*. 2015. № 9. С. 40–45.
- Луман, 2017 – Луман Н. Эволюция науки // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки*. 2017. Т. 51. № 1. С. 215–233.
- Хьюэлл, 2017 – Хьюэлл У. Конт и позитивизм // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки*. 2017. Т. 54. № 4. С. 209–224.
- Шлейермахер, 2018 – Шлейермахер Ф. Из сочинения «О духе немецких университетов» // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки*. 2018. Т. 55. № 1. С. 215–235.
- Энгельс, 1955 – Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. М.: Политиздат, 1955. С. 231–413.
- Buchdahl, 1971 – Buchdahl G. Deductivist versus Inductivist Approaches in the Philosophy of Science as Illustrated by Some Controversies Between Whewell and Mill // *The Monist*. 1971. Vol. 55. Iss. 3. P. 343–367.
- Butts, 1973 – Butts R. Whewell’s Logic of Induction // *Foundations of Scientific Method / Ed. by R.N. Giere & R.S. Westfall*. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1973. P. 53–85.
- Kasavin, 2014 – Kasavin I.T. Interactive Zones: On the Prehistory of the Scientific Laboratory // *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2014. Vol. 84. No. 6. P. 456–464.
- Losee, 2001 – Losee J. A Historical Introduction to the Philosophy of Science. Oxford: Oxford University Press, 2001. 483 p.

References

- Antonovski, A. Yu., Barash, R. E. “‘Istina’ i ‘vlast’ kak kategorii socialnoi filosofii” [‘Truth’ and ‘Authority’ as Categories of Social Philosophy], *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2017, no. 5, pp. 120–134. (In Russian)
- Antonovski, A. Yu., Barash, R. E. “Nauka Maksa Vebera. Recepciya i sovremennost” [Max Weber on Science. Reception and Modernity], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2018, vol. 55, no. 4, pp. 174–188. (In Russian)

Barash, R. E. “Hyuehll protiv Konta, ili vozmozhna li kommunikaciya mezhd-
du apriorizmom i pozitivizmom” [Whewell vs Comte. Is Apriorism-Positivism
Communication possible?], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2017, vol. 54,
no. 4, pp. 202–208. (In Russian)

Buchdahl, G. “Deductivist versus Inductivist Approaches in the Philosophy
of Science as Illustrated by Some Controversies Between Whewell and Mill”, *The
Monist*, 1971, vol. 55, iss. 3, pp. 343–367.

Butts, R. “Whewell’s Logic of Induction”, in: R. N. Giere & R. S. Westfall
(eds.). *Foundations of Scientific Method*. Bloomington: Indiana University Press,
1973, pp. 53–85.

Dickens, Ch. “Signalshchik” [The Signal-man], in: Dickens, Ch. *Gosti s togo
sveta* [Friends from the Other World]. Moscow: Eksmo, 2017. 352 pp. (In Russian)

Engels, F. “Polozhenie rabocheho klassa v Anglii” [The Condition of the
Working Class in England], in: Marx K., Engels F. *Sochineniya. Vol. 2* [Works.
Vol. 2]. Moscow: Politizdat, 1955, pp. 231–413. (In Russian)

Kasavin, I. T. “Interactive zones: On the prehistory of the scientific laborato-
ry”, *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 2014, vol. 84, no. 6, pp. 456–464.

Kasavin, I. T. “Megaproekty i globalnye proekty: nauka mezhd-
u tekhnokratizmom i utopizmom” [Mega-projects and Global Projects: Science Between Uto-
pia and Technocracy], *Voprosy filosofii*, 2015, no. 9, pp. 40–45. (In Russian)

Luhmann, N. “Ehvolyuciya nauki” [Evolution of Science], *Epistemology &
Philosophy of Science*, 2017, vol. 51, no. 1, pp. 215–233. (In Russian)

Schleiermacher, F. “Iz sochineniya ‘O duhe nemeckih universitetov’” [Frag-
ment from “Gelegentliche Gedanken über den Universitäten in Deutschland”], *Epis-
temology & Philosophy of Science*, 2018, vol. 55, no. 1, pp. 215–235 (In Russian)

Whewell, W. “Kont i pozitivizm” [Comte and Positivism], *Epistemology &
Philosophy of Science*, 2017, vol. 54, no. 4, pp. 209–224. (In Russian)